

ных современников мнение (перешедшее затем в советскую историческую науку), будто Столыпин придерживался тактики — сначала успокоение, т.е. репрессии, потом реформы. Сравнительно недавно В.С.Дякин опубликовал документ, опровергающий это утверждение. Он относится к 1907 г. и передает собственные слова Столыпина: “Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае мы устраним следствие, а не причину: залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления. К тому же путь реформ торжественно возвышен. Создана Государственная Дума, и идти назад нельзя. Это было бы и роковой ошибкой — там, где правительство побеждало революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физической силой, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ” [см. Дякин 1990: 114].

И это не случайные слова. Столыпин шел на должность председателя Совета министров, имея план либеральных преобразований, сердцевину которых составляла аграрная реформа. Первые шаги по реализации своей программы он предпринял еще до того, как революция была подавлена. Не дожидаясь созыва второй Думы, Столыпин в соответствии со ст. 87 Основных Законов провел ряд указов, подготовивших аграрную реформу. В целях решения проблемы малоземелья Крестьянскому банку передавалась часть государственных земель для продажи их крестьянам по льготным ценам или под залог. Решающее значение в социальном плане имел указ от 5 октября 1906 г., уравнивший крестьян в гражданских правах с другими сословиями. Он предусматривал отмену подушной подати и круговой поруки, снимал ограничения свободы передвижения крестьян, расширял их права на земских выборах, ограничивал “опекунскую власть” земских начальников. Тем самым фактически ликвидировался сословный строй и закладывался фундамент гражданского общества. На основе этих предварительных акций был подготовлен знаменитый указ от 9 ноября 1906 г., предоставивший крестьянину право выхода из общины и возможность превращать в частную собственность находящуюся в его распоряжении наделную землю.

65

Столыпин, лично отслеживавший реализацию указа, не мог не знать, что тот встречает сопротивление со стороны общины, особенно ее негласных старшин, чьи возможности влиять на сельский мир уменьшались с выходом каждого крестьянина. С недоверием отнеслось поначалу к новым законам и большинство рядовых крестьян, которым община гарантировала выживание, хотя бы в условиях бесправия и бедности. Кроме того, где-то в глубинах подсознания у мужика теплилась надежда на “черный передел” всей земли, внушавшаяся социалистами в течение десятилетий. Столыпин понимал все психологические и социальные трудности великого перелома в жизни деревни, но считал, что преодолеть их необходимо как можно скорее, дабы не создавать хаоса экономических укладов, способного породить новую волну революции. При этом темпы, да и сам успех проведения реформы в немалой мере зависели от состава и настроения новой Думы.

Она начала свои заседания 20 февраля 1907 г. и оказалась по своему составу еще более оппозиционной, чем первая. В ней усилилось левое крыло, поскольку социалисты, бойкотировавшие выборы в первую Думу, теперь приняли в них участие. Наряду с этим в Думе образовалось правое крыло. Правые видели в деятельности Столыпина опасный эксперимент и потому относились к его программе весьма настороженно. С правительством готовы были сотрудничать октябристы, но такое сотрудничество вредило репутации самого Столыпина. В позиции думского центра оказались кадеты. Отдалившись от левого крыла, они стремились избежать разгона новой Думы и готовы были к диалогу с правительством. С учетом сложившейся расстановки сил свою думскую тактику премьер строил на привлечении кадетов к поддержке проводимых им реформ.

В целом, для Столыпина было очевидно, что работать со второй Думой правительству будет еще сложнее, чем с первой. Понимали это и другие пред-